

DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.4

Проблема государственного противодействия экстремизму: мировой и российский опыт

© В. В. Борисенков

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: vicbor1696@gmail.com

Статья посвящена анализу мер, предпринимаемых государственными структурами для борьбы с экстремизмом. Обращение к зарубежному и отечественному опыту антиэкстремистских программ и организаций позволило обнаружить основные недостатки в этой области: слабую согласованность элементов антиэкстремистских программ разного уровня, отсутствие логики в правовом поле антиэкстремистских законов, неопределенность в постановке целей и задач, формальный характер ряда организаций, неадекватность принимаемых против экстремизма мер и даже самих политических институтов характеру формирующейся цивилизации, радикальность ряда государственных мер по борьбе с экстремизмом, провоцирующих эскалацию напряженности в обществе. Минимизировать недостатки возможно системностью в организации государственных мер и сочетанием четырех направлений: опорой на гуманизм в международном сотрудничестве; транснациональным характером преимущественно нормативно-правового регулирования в борьбе с экстремизмом, основанным на принципе экстерриториальности прав и свобод личности; формированием антиэкстремистских центров; воспитанием граждан в духе взаимоуважения Я и Другого.

Ключевые слова: *экстремизм, государство, право, противодействие экстремизму, международное сотрудничество.*

Проблемы терроризма и роста экстремистских проявлений можно назвать сегодня одной из центральных и наиболее важных в мировом масштабе. Усилия мирового сообщества, направленные на обуздание этих проблем, к сожалению, не дают серьезного эффекта в силу большого количества факторов, обуславливающих эти феномены, разнообразия форм их проявления, а также изменчивости этих форм и мест проявления. Например, сегодня все больше становится случаев высокотехнологичного терроризма, направленного на причинение политического или экономического ущерба посредством нарушения работы сетевых структур, обеспечивающих функционирование производственных или политических процессов. Ряд терактов в западноевропейских странах в течение последних нескольких лет показал, что театром таких событий могут оказаться и вполне благополучные регионы.

Еще одним фактором, привлекающим внимание, является то, что источником радикализации настроений в обществе, экстремистских тенденций и терроризма может становиться сама государственная система. Об этом свидетельствуют, например, недавние события в Афганистане, где движение «Талибан», признанное террористическим во многих странах, в т.ч. и в России, захватив контроль над всей территорией страны, создает правовое поле на основе положений, нарушающих установленные международными договорами права человека. События, происходящие в Республике Беларусь в течение последнего года, прошедшего с момента выборов на должность президента, породили ответную реакцию со стороны международного

сообщества, а миграционный кризис на границе этой страны и сопредельных стран Евросоюза, искусственно созданный государственными структурами Беларуси, превратившей свою территорию в место организованного контрабандного транзита тысяч мигрантов с Ближнего Востока в Польшу и Прибалтику, только усугубляет общую картину.

В связи с этим научное сообщество активно занимается исследованием различных аспектов проблемы. За последние пять лет только в БД Scopus, например, опубликовано более 2500 исследований по теме экстремизма. Активно осуществляется анализ сущности и факторов возникновения экстремистских явлений в современном обществе [1–7] и радикализации социальных групп [8–13], а также динамики экстремизма, его видов и региональных особенностей [11, 12, 14–18], не только политических и государственных мер противостояния экстремизму [3, 19–23], но и способов борьбы с экстремизмом и его профилактики [24–31].

Можно сказать, что проблема экстремизма сегодня является одной из глобальных в силу процессов все более тесной интеграции различных регионов и культур. Можно утверждать, что «столкновение цивилизаций» как сближение с Другим неизбежно будет порождать разные формы экстремистского поведения в силу различий: чем сильнее различия и теснее интеграция, тем более радикальными могут быть эти проявления. Как отмечает один из российских мыслителей, один из векторов развития цивилизации – это противопоставление и противостояние отсеков человечества в нынешнем веке, которые порождают цивилизацию неустроенности, бедности, агрессивности [32, с. 139–140]. Поэтому изолированные меры противодействия ощутимого результата дать не могут. Даже понимая, с чем связана эскалация экстремизма и каковы его наиболее опасные формы, невозможно представить успешное противодействие без активного участия государственных структур и координации усилий разных сил и ведомств.

Исходя из этой ситуации в нашем исследовании предпринимается анализ мер профилактики и противодействия, призванных снизить угрозу радикализации напряженности в отношениях с Другим в социокультурных процессах с целью выстроить оптимальный вектор направления борьбы с экстремизмом в России. Для этого необходимо сопоставить опыт зарубежных структур и отечественных, используя как результаты исследований, проведенных у нас и за рубежом, так и анализ самих мер по борьбе с радикальными движениями.

Отдельно необходимо сказать о том, что понятие экстремизма до сих пор не имеет четкой правовой и научной формулировки, которая бы включала в себя определение не только самых общих признаков экстремистских настроений и действий, но и радикализирующих факторов, субъекта, объекта и т.д. Понимание экстремизма тем или иным образом зависит от того, каков статус прав человека в мировоззренческой системе исследователей и правоведов. Хотя понятие экстремизма в любой трактовке содержит в себе стремление к достижению своих целей при помощи крайних мер, оно подразумевает акцент либо на агрессии против приоритета прав личности как основы общественного согласия, либо агрессии против интересов общества в том варианте, как их видит обладающая властным ресурсом элита, часто отождествляющая себя в таких случаях с обществом в целом. Таким образом, размытость этого понятия, с одной стороны, снижает эффективность международных усилий по борьбе с экстремизмом, а с другой – может сама быть источником радикализации настроений при расхождении принятой государством доктрины и общественными взглядами. В нашем исследовании под экстремизмом подразумеваются действия с использованием крайних мер (агрессия, насилие, разжигание розни по различным основаниям), создающие ущерб для осуществления гражданских прав и свобод личности.

Поскольку основным гарантом и защитником гражданских прав и свобод должна являться государственная система, государства должны предпринимать системные меры для борьбы с экстремизмом. Как показывает практика, усилия, предпринимаемые госструктурами, не всегда дают необходимый результат. Об этом свидетельствуют работы ряда зарубежных исследователей. Например, П. Чейни и С. Саху отмечают, что в Бангладеш, несмотря на принятие 185 рекомендаций Комитета ООН по борьбе с экстремизмом и развитию гражданского общества, десять из которых касаются свободы религии, правительство в целом не справилось с задачами в связи с тем, что внутреннее законодательство не соответствует международным договорам и ограничивает права и свободы граждан [19, с. 204]. В Нигерии программа дерадикализации недостаточно эффективна из-за структурных ошибок самой программы, не предусматривающей эффективную реинтеграцию бывших участников террористических отрядов «Боко Харам» и их жертв [16].

Но и в развитых и более благополучных странах программы противодействия экстремизму и превентивные меры также подвергаются критике. Недостатки, которые могут вызывать серьезные негативные последствия, связаны с отсутствием четких представлений о целях таких программ, как в Нидерландах [30, с. 504–505]; расхождениями в представлениях о задачах программы в Австралии между сторонами, реализующими ее, и теми, кто отвечает за национальную политику [21]; отсутствием интеграции таких программ по дерадикализации в систему государственной политики, как в британской программе «Prevent» [13], и даже самой государственной политики, не учитывающей политическую природу экстремизма и порождающей своими же решениями недовольство и противостояние в обществе [13, 33].

В России вопросы безопасности граждан и целостности государства вызывают не меньшую озабоченность. И вопрос методологии борьбы с экстремизмом не менее важен. Согласимся с В. П. Назаровым, что традиционно используемые подходы в борьбе с экстремизмом в рамках национально-правовых систем не обладают эффективностью, поскольку изрядно устарели [34].

На наш взгляд, для решения проблемы необходима определенная философско-правовая база. Довольно перспективно в этом отношении выглядит концепция социальной защиты [35], которая заключена в понимании человека, демонстрирующего свободную волю и регулирующего свои действия. Законодательство в ней выступает ограничением свободы. В целом концепция не предполагает уничтожение экстремизма, а лишь обеспечивает меры наказания за нарушение социального порядка, прав и свобод людей. В рамках концепции используются две теории: исправления и устрашающего возмездия.

Практическое назначение возмездия – в удержании людей от желания осуществить и повторить антисоциальные деяния, для чего создается перспектива жесткого наказания, лишения свободы.

Но чрезмерное усиление наказания не слишком эффективно, поскольку страх обладает способностью притягивать, а наказанный может выглядеть героем в глазах общества [36, с. 121]. Не является эффективным средством и угроза смерти, т.к. экстремисты – особенно фанатичного толка – рассматривают смерть в качестве доминанты [37, с. 305]. Ценности экстремиста инвертированы по отношению к ценностям общества. Кроме того, смерть единственная, как справедливо замечает Ж. Бодрийяр, не входит в систему обмена общества симулякров [38, с. 102], поскольку ни один государственный институт не гарантирует защиты от

смерти, что создает перспективу социального кризиса, и мы видим это на примере массы событий: от террористической атаки 11 сентября 2001 года в США до серии терактов в Западной Европе и России.

«Теория исправления» заключается в предупреждении антисоциального действия экстремистски настроенного субъекта и укреплении в законопослушном поведении. Но изменение экстремиста (переход его из Другого, противостоящего социальной группе, в Мы) может произойти исключительно при смене мировоззрения, а это представляется проблематичным. В условиях лишения свободы экстремисты становятся еще опаснее: согласно исследованиям А. М. Сыроева, 8% из них привлекают к своим идеям новых будущих экстремистов, 27% – получают криминальный опыт [39, с. 89].

Сложность и многообразие конфликтов с Другим, обретающих экстремальный характер, показывает необходимость серьезной корректировки теорий устрашающего возмездия и исправления. Направления этой корректировки представляются следующими:

- в основе международного сотрудничества в области безопасности граждан должна лежать концепция гуманизма;
- преемственность нормативно-правового регулирования в борьбе с экстремизмом должна носить транснациональный характер;
- необходимо формирование антиэкстремистских центров;
- мировоззрение граждан должно формироваться в духе взаимоуважения Я и Другого.

Концепция гуманизма обуславливает сегодня международное сотрудничество по вопросам экстремизма и терроризма в рамках ряда организаций: Организации объединенных наций, Шанхайской организации сотрудничества, Ассоциации государств по безопасности (Юго-Восточная Азия), Межпарламентской ассамблеи государств, входящих в СНГ.

Организация объединенных наций (ООН) – это универсальный форум, наделенный легитимностью, один из главных элементов международного взаимодействия. Идеи философской концепции гуманизма озвучиваются представителями ООН систематически [40]. Эта интенция относится и к проблеме отношений к экстремистским движениям. При всех сложностях функционирования ООН способна быть центром в регулировании международных отношений в XXI в. Российской стороной делаются шаги в повышении эффективности ее работы со стороны Совета Безопасности. В частности, в решении проблем, связанных с неприятием к инаковости и проявлением экстремизма.

Региональный форум Ассоциации государств Юго-Восточной Азии по безопасности (АРФ) представляет собой многосторонний, общерегиональный политический диалог, касающийся обеспечения мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Форум вместе с Россией составляют 26 стран. Основными задачами являются: конструктивный диалог, политические консультации и обеспечение безопасности; создание доверия в отношениях и превентивная дипломатия в регионе.

Одним из механизмов дерадикализации в рамках этой ассоциации могут служить лагеря для перевоспитания в КНР, где реинтеграция экстремистских элементов проводится посредством лекции о политике страны, повышения уровня их социальных и религиозных знаний.

Вместе с тем АРФ также не лишена слабых мест. Форум испытывает трудности с решением сложных региональных проблем, с использованием превентивных мероприятий и др. [41]. Еще одной возможной причиной является слабость лидера, роль которого выполняет Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN), не обладающая достаточной мощностью и политической волей.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основанная в 2001 г., занимается укреплением стабильности и безопасности в странах-участниках; ведением общей борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом; экономическим и энергетическим сотрудничеством, научным и культурным взаимодействием. Представители ШОС экстремизм рассматривают в качестве насильственного захвата или удержания власти, влияния на конституционный строй государства. Основными задачами и функциями ШОС являются следующие:

- координационно-оперативная (координация компетентных органов стран ШОС, направленных на борьбу с экстремизмом);
- международно-правовая (разработка документов и практические действия, касающиеся международной борьбы с экстремистскими организациями);
- информационно-аналитическая (доступ к банку данных Региональной антитеррористической структуры, расширение его информации) [42, с. 65].

Но эффективность этой организации тоже вызывает сомнения и нарекания, и есть мнения, что сотрудничество стран в ней носит в большей степени декларативный и консультативный характер [43, с. 259; 44].

Говоря о преимуществах нормативно-правового регулирования в борьбе с экстремизмом, имеющей транснациональный характер, мы подразумеваем согласованность и последовательность юридических актов для борьбы с экстремизмом, базирующиеся на философском фундаменте и разделяемые с сообществом государств. Правовые нормы должны эффективно регламентировать поведение субъекта в обществе, ограничивая поведение, которое может стать угрозой для общества. Но чрезмерная регламентация может привести, наоборот, к росту радикальных настроений, если в правовом поле отсутствует логика, а также не учитывается допустимое разнообразие моделей поведения и подавляются модели, альтернативные доминирующей. Современный мир, где традиции перемешиваются все сильнее, требует формирования культуры поведения по отношению к инаковости окружающих, что невозможно без адекватных правовых норм. В России существует нормативно-правовая база по борьбе с экстремизмом, в которую входят как международные резолюции, протоколы, договоры, постановления, так и внутрироссийские: Конституция, концепции, Федеральные законы, кодексы, Указы Президента.

Вместе с тем антиэкстремистская законодательная база, как и любая другая правовая база, не должна содержать возможности неоднозначных трактовок и двусмысленности. Также сегодня необходимо учитывать новые реалии – современное медиапространство и коммуникации, предоставляющие новые способы влияния на общество и способы радикализации. Для нормативно-правового аспекта важно освоение этих реалий посредством исследований. Но, как отмечается в одной из публикаций, в российской науке концепции радикализации вообще и онлайн-радикализации в частности отсутствуют и слабо развита междисциплинарность в этом поле исследований [31, с. 164–165]. Думается, что устранение неоднозначности и расплывчатости правовых основ противодействия экстремизму должно быть основано на принципе экстерриториальности прав человека, т.е. права и свободы личности должны быть приоритетом при формировании законодательных инициатив всех государств, заинтересованных в уменьшении радикальных настроений.

Третье направление – формирование антиэкстремистских центров – предполагает изучение не только экстремистских действий, но и идеологического компонента, являющегося питательной средой для радикалов. Экстремизм предполагает наличие мотива и средства к сплочению экстремистов в виде идеологии.

На территории Российской Федерации с 2006 г. функционирует Национальный антитеррористический комитет (НАК). Основные задачи комитета: разработка и осуществление мер по борьбе с терроризмом и экстремизмом, международное сотрудничество в этой сфере, реализация связи с президентским аппаратом, координация территориальных органов по профилактике терроризма, информирование людей о профилактике и защите от террористических и экстремистских атак [46].

По нашему мнению, в деятельности антиэкстремистских центров чаще всего осуществляется интенсивная работа по принципу «постслучившегося реагирования». Но на практике требуется обращение к системе «предупреждения», заключающейся в тесном взаимодействии органов государственного аппарата, социальных институтов, религиозных объединений и т.п. Такой подход должен прослеживаться в деятельности всех организаций по противодействию экстремизму:

- координирующей деятельность органов исполнительной власти – НАК и Антитеррористический комитет;
- осуществляющих организацию необходимых мероприятий – Федеральный оперативный штаб и оперативный штаб конкретного региона.

В некоторой степени об эффективности антиэкстремистских государственных мер может говорить статистика преступлений в области экстремизма за последние несколько лет. Исходя из официальных данных Генеральной прокуратуры РФ в 2016 г. было зарегистрировано 1450 преступлений по стране, в 2017 г. – 1521, в 2018 г. – 1265, в 2019 г. – 585, в 2020 г. – 833, за половину 2021 г. – 687 [47]. В целом наблюдается некоторый спад, что может говорить о том, что профилактические мероприятия и системная работа антиэкстремистских структур дает положительные результаты.

Вместе с тем, когда выстраивается система превентивных действий и подходов, необходимо учитывать, что «крайне важно, чтобы подходы... были сосредоточены на верховенстве закона, демократии, правах человека и нормативных концепциях, которые включают правосудие, толерантность и разнообразие. Только так может быть реализовано сообщество ценностей, в основе которого лежат демократия и верховенство закона и к чему призывает Глобальная стратегия Европейского Союза. Потому что не существует такой вещи, как эффективность любой ценой – по крайней мере, в демократическом обществе, где применяется верховенство закона» [30, с. 505].

Четвертое направление – осознание гражданами РФ толерантности как фундирующей ценности, основанной на уважении Я и Другого – исходит из того, что именно инаковость структурирует общество и позволяет человеку осуществлять самоидентификацию, необходимую для личностного становления. Это обуславливает равноправность Я и Другого, а толерантность выступает способом взаимодействия с Другим.

Но толерантность обладает неустойчивостью, поскольку проявляется в конфликте Я и Другого. В этой ситуации возможна эскалация конфликта, поскольку не затронута его причина. Но остается и вероятность перехода к бесконфликтности (мирному сосуществованию Я и Другого). Интолерантность же как демонстративное пренебрежение Я к инаковости Другого скрывает в себе угрозу для общества, провоцируя радикализацию конфликтных настроений и развитие экстремизма. К сожалению, модель интолерантности, пренебрежения правами человека может транслироваться самой государственной машиной, как отмечают Эдвард Лемон и Олег Антонов [47]. В такой ситуации международные и внутренние усилия по дерадикализации

не только не будут эффективными, но и могут сами провоцировать эскалацию экстремистских настроений в случае уничтожения правовых способов отстаивания гражданских прав и свобод.

В России довольно распространены ксенофобные настроения. Причин тому несколько: падающий уровень образованности населения, сложные миграционные процессы; экономический кризис и падение уровня жизни; недостаточно развитая система просветительских мероприятий, касающихся гуманитарной сферы, которые могли бы раскрыть потенциал дружелюбия нашего народа.

Таким образом, мы можем заметить, что ситуация, складывающаяся с мерами государственного противодействия экстремизму и в России, и за рубежом, далека от идеала, а существующие программы и работа соответствующих структур страдают подчас серьезными недостатками, ставящими под угрозу результативность мероприятий и провоцирующими радикализацию настроений. Эти недостатки связаны, в первую очередь, с раздробленностью и фрагментарностью усилий, нехваткой системности и скоординированности правовых, силовых, исследовательских, организационных, образовательных аспектов. Но, помимо этого, слабость заключается в неадекватности политических систем формирующейся социокультурной реальности, только начинающееся осмысление роли таких факторов радикализации, как онлайн-коммуникации, и поиск технологий, способных дать ключ к борьбе с распространением экстремизма посредством виртуальных сетей. Как отмечает В. В. Ильин, конвергентные технологии, разрабатываемые в последнее время и все шире влияющие на общество, обладают двойственным характером, происходит стирание границы между военным и гражданским применением технологий, что провоцирует неэффективность имеющихся средств контроля и предотвращение негативных последствий, к числу которых можно отнести и всплеск экстремизма [32, с. 145]. Поэтому предложенные нами четыре направления корректировки мер противодействия экстремизму: концепция гуманизма как основа международного сотрудничества в области безопасности; транснациональный характер преемственности нормативно-правового регулирования в борьбе с экстремизмом на основе экстерриториальности прав человека; формирование антиэкстремистских центров; взаимоуважения Я и Другого как основа мировоззрения граждан, – должны дополниться модернизацией политических институтов общества в духе баланса технологий с гуманитарной областью.

Литература

1. Brückner M., Grüner H. P. Economic growth and political extremism // *Public Choice*. **2020**. Vol. 185. No. 1–2. Pp. 131–159. DOI: 10.1007/s11127-019-00745-w.
2. el-Ojeili C., Taylor D. The Extremism Industry: A Political Logic of Post-Hegemonic Liberalism // *Critical Sociology*. **2020**. Vol. 46. No. 7–8. Pp. 1141–1155. DOI: 10.1177/0896920520912459.
3. Graham M. H., Svobik M. W. Democracy in America? Partisanship, Polarization, and the Robustness of Support for Democracy in the United States // *American Political Science Review*. **2020**. Vol. 114. No. 2. Pp. 392–409. DOI: 10.1017/S0003055420000052.
4. Jensen M. A., Atwell Seate A., James P. A. Radicalization to Violence: A Pathway Approach to Studying Extremism // *Terrorism and Political Violence*. **2020**. Vol. 32. No. 5. Pp. 1067–1090. DOI: 10.1080/09546553.2018.1442330.
5. Pavlović T., Wertag A. Proviolence as a mediator in the relationship between the dark personality traits and support for extremism // *Personality and Individual Differences*. **2021**. Vol. 168. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110374.
6. van Prooijen J.-W., Kuijper S. M. A comparison of extreme religious and political ideologies: Similar worldviews but different grievances // *Personality and Individual Differences*. **2020**. Vol. 159. DOI: 10.1016/j.paid.2020.109888.
7. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. The Three Ps of Radicalization: Push, Pull and Personal. A Systematic Scoping Review of the Scientific Evidence about Radicalization Into Violent Extremism // *Studies in Conflict and Terrorism*. **2020**. Vol. 43. No. 10. P. 854. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1505686.

8. Arjona-Pelado I, Atnashev V. Challenges of migration into the European Union and proposal of solution through education // *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Cham: Springer, **2020**. DOI: 10.1007/978-3-030-58263-0_2.
9. Golec de Zavala A, Lantos D. Collective Narcissism and Its Social Consequences: The Bad and the Ugly // *Current Directions in Psychological Science*. **2020**. Vol. 29. No. 3. Pp. 273–278. DOI: 10.1177/0963721420917703.
10. Jasko K., Webber D., Kruglanski A. W., Gelfand M., Taufiqurrohman M., Hettiarachchi M., Gunaratna R. Social context moderates the effects of quest for significance on violent extremism // *Journal of Personality and Social Psychology*. **2020**. Vol. 118. No. 6. Pp. 1165–1187. DOI: 10.1037/pspi000198.
11. Kavanagh C. M., Kapitány R., Putra I. E., Whitehouse H. Exploring the Pathways Between Transformative Group Experiences and Identity Fusion // *Frontiers in Psychology*. **2020**. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01172.
12. Postuszna E. A prognostic view on the ideological determinants of violence in the radical ecological movement // *Sustainability (Switzerland)*. **2020**. Vol. 12. No. 16. DOI: 10.3390/su12166536.
13. Skoczylis J., Andrews S. A conceptual critique of Prevent: Can Prevent be saved? No, but... // *Critical Social Policy*. **2020**. Vol. 40. No. 3. Pp. 350–369. DOI: 10.1177/0261018319840145.
14. Ozer S. Globalization and radicalization: A cross-national study of local embeddedness and reactions to cultural globalization in regard to violent extremism // *International Journal of Intercultural Relations*. **2020**. Vol. 76. Pp. 26–36. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.02.007.
15. Kyaw N. N. The Excuse of (Il)legality in Discriminating and Persecuting Religious Minorities: Anti-Mosque Legal Violence in Myanmar // *Asian Journal of Law and Society*. **2021**. Vol. 8. No. 1. Pp. 108–131. DOI: 10.1017/als.2020.50.
16. Onapajo H., Ozden K. Non-military approach against terrorism in Nigeria: deradicalization strategies and challenges in countering Boko Haram // *Security Journal*. **2020**. Vol. 33. No. 3. Pp. 476–492. DOI: 10.1057/s41284-020-00238-2.
17. Omenma J. T., Onyango M. African Union Counterterrorism Frameworks and Implementation Trends among Member States of the East African Community // *India Quarterly*. **2020**. Vol. 76. No. 1. Pp. 103–119. DOI: 10.1177/0974928419901197.
18. Rieger D., Frischlich L., Bente G. Dealing with the dark side: The effects of right-wing extremist and Islamist extremist propaganda from a social identity perspective // *Media, War and Conflict*. **2020**. Vol. 13. No. 3. Pp. 280–299. DOI: 10.1177/1750635219829165.
19. Chaney P., Sahoo S. Civil society and the contemporary threat to religious freedom in Bangladesh // *Journal of Civil Society*. **2020**. Vol. 16. No. 3. Pp. 191–215. DOI: 10.1080/17448689.2020.1787629.
20. Glušac L. Criminalization as anxious and ineffective response to foreign fighters phenomenon in the Western Balkans // *Journal of Regional Security*. **2020**. Vol. 15. No. 1. Pp. 39–74. DOI: 10.5937/jrs15-24025.
21. Harris-Hogan S. How to evaluate a program working with terrorists? Understanding Australia's countering violent extremism early intervention program // *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. **2020**. Vol. 15. No. 2. Pp. 97–116. DOI: 10.1080/18335330.2020.1769852.
22. Lemon E., Antonov O. Authoritarian legal harmonization in the post-Soviet space // *Democratization*. **2020**. Vol. 27. No. 7. Pp. 1221–1239. DOI: 10.1080/13510347.2020.1778671.
23. Riedel R. Religion and Terrorism: The Prevent Duty // *Ecclesiastical Law Journal*. **2021**. Vol. 23. No. 3. Pp. 280–293. DOI: 10.1017/S0956618X21000363.
24. Aziz S. F., Beydoun K. A. Fear of a black and brown internet: Policing online activism // *Boston University Law Review*. **2020**. Vol. 100. No. 3. C. 1151–1191.
25. Fomenko A., Marchenko E., Sydorov O., Zhuravlov D. International regime of counteraction to laundering of proceeds of crime and financing of terrorism: Two vectors of evolution // *Economic Annals-XXI*. **2020**. Vol. 181. No. 1–2. Pp. 28–43. DOI: 10.21003/ea.V181-03.
26. Hoffman A. J. Community service activities reducing hate crimes and extremism: A “green intervention” approach // *Journal of Prevention and Intervention in the Community*. **2020**. Vol. 48. No. 3. Pp. 207–209. DOI: 10.1080/10852352.2019.1625606.
27. Ozer S., Bertelsen P. The moral compass and life skills in navigating radicalization processes: Examining the interplay among life skills, moral disengagement, and extremism // *Scandinavian Journal of Psychology*. **2020**. Vol. 61. No. 5. Pp. 642–651. DOI: 10.1111/sjop.12636.
28. Skiple A. The Importance of Significant Others in Preventing Extremism: The Philosophy and Practice of the Swedish Tolerance Project // *Young*. **2020**. Vol. 28. No. 4. Pp. 422–438. DOI: 10.1177/1103308820914828.

29. Sjøen M. M., Mattsson C. Preventing radicalisation in Norwegian schools: how teachers respond to counter-radicalisation efforts // *Critical Studies on Terrorism*. **2020**. Vol. 13. No. 2. Pp. 218–236. DOI: 10.1080/17539153.2019.1693326.
30. Weert A. v. d., Eijkman Q. A. Early detection of extremism? The local security professional on assessment of potential threats posed by youth // *Crime, Law and Social Change*. **2020**. Vol. 73. No. 5. Pp. 491–507. DOI: 10.1007/s10611-019-09877-y.
31. Карпова А. Ю., Савельев А. О., Вильнин А. Д., Чайковский Д. В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. **2020**. №3. С. 159–181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585.
32. Ильин В. В. Философия технонаучной цивилизации // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. **2019**. №1. С. 136–147. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-136-147.
33. Shaban H. The heavy burden of democracy: Where is salvation? Democracy between perspective and prohibited // *Philosophy and Social Criticism*. **2020**. Vol. 46. No. 5. Pp. 523–538. DOI: 10.1177/0191453720916905.
34. Назаров В. Глобальный экстремизм – угроза миру, региональной и международной безопасности // *Международное сотрудничество евразийских государств: философия, политика, экономика, право*. **2015**. №3. С. 7–16.
35. Анненков А. Государственно-правовое принуждение: философско-правовые основы понимания // *Известия ТГУ*. **2017**. №3-2. С. 52–60.
36. Ломброзо Ч. *Гениальность и помешательство: безумство гениев*. М.: АСТ, **2019**.
37. Ломброзо Ч. *Человек преступный*. М.: Алгоритм, **2018**.
38. Бодрийяр Ж. *Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы*. М.: Родина, **2019**.
39. Сысоев А. *Личность экстремиста*. М.: ПЕР СЭ, **2008**.
40. Глава ООН очертил четыре направления борьбы с экстремизмом и терроризмом. URL: <http://www.un.org/ru/press/2015-02-19/v-mire/glava-oon-ochertil-chetyre-napravleniya-borby-s-ekstremizmom-i-terrorizmom>.
41. Коротич С. Момент истины для АРФ. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/32176/>.
42. Будаева С., Дегтярева Н. Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом // *Вестник Забайкальского государственного университета*. **2014**. №4.
43. Власов А. ШОС и стратегии безопасности в Центрально-Азиатском регионе: проблемы и перспективы. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/shos-i-strategii-bezopasnosti-v-tsentralno-aziatskom-regione-problemy-i-perspektivy>.
44. Кольтюков А. Влияние Шанхайской организация сотрудничества на развитие и безопасность Центрально-Азиатского региона // *Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития*. М.: Институт Дальнего Востока РАН, **2008**.
45. Национальный антитеррористический комитет. Цели и задачи. URL: <http://nac.gov.ru/nak/celi-i-zadachi.html>.
46. Показатели преступности России. Динамика. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.
47. Lemon E., Antonov O. Authoritarian legal harmonization in the post-Soviet space // *Democratization*. **2020**. Vol. 27. No. 7. Pp. 1221–1239.

Поступила в редакцию 26.09.2021 г.

После доработки – 11.10.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.5.4

The problem of state countering extremism: world and Russian experience

© V. V. Borisenkov

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: vicbor1696@gmail.com

Extremism is one of the global problems of our time. The international community is making serious efforts to solve this problem at the state and interstate levels. An appeal to foreign and Russian experience of anti-extremist programs and organizations made it possible to reveal the main shortcomings in this area: weak coordination of elements of anti-extremist programs of different levels, contradictions between the laws regulating anti-extremist activities at the state and international levels, inconsistency in understanding the goals and objectives of the struggle at different levels of the system, the formal nature of the activities of a number of anti-extremist structures, inadequacy of measures taken against extremism, the radical nature of a number of state methods to combat extremism, provoking an escalation of tension in society. Political institutions also reveal their inconsistency with modern conditions and can be a source of tension that creates conditions for radicalization. Consistency in the organization of government measures and a combination of four directions could minimize the shortcomings. These directions imply the following: the reliance on humanism in international cooperation; the transnational nature of the continuity of legal regulation in the fight against extremism, based on the principle of extraterritoriality of the rights and freedoms of the person; the formation of anti-extremist centers; educating citizens in the spirit of mutual respect for I and the Other.

Keywords: extremism, state, law, countering extremism, international cooperation.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Borisenkov V. V. The problem of state countering extremism: world and Russian experience // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 5. Pp. 330–341.

References

1. Brückner M., Grüner H. P. *Public Choice*. 2020. Vol. 185. No. 1–2. Pp. 131–159. DOI: 10.1007/s11127-019-00745-w.
2. el-Ojeili C., Taylor D. *Critical Sociology*. 2020. Vol. 46. No. 7–8. Pp. 1141–1155. DOI: 10.1177/089692052/0912459.
3. Graham M. H., Svolik M. W. *American Political Science Review*. 2020. Vol. 114. No. 2. Pp. 392–409. DOI: 10.1017/S0003055420000052.
4. Jensen M. A., Atwell Seate A., James P. A. *Terrorism and Political Violence*. 2020. Vol. 32. No. 5. Pp. 1067–1090. DOI: 10.1080/09546553.2018.1442330.
5. Pavlović T., Wertag A. *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 168. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110374.
6. van Prooijen J.-W., Kuijper S. M. *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 159. DOI: 10.1016/j.paid.2020.109888.
7. Vergani M., Iqbal M., Ilbahar E., Barton G. *Studies in Conflict and Terrorism*. 2020. Vol. 43. No. 10. Pp. 854. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1505686.
8. Arjona-Pelado I., Atnashev V. *Proceedings of Topical Issues in International Political Geography*. Cham: Springer, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-58263-0_2.

9. Golec de Zavala A., Lantos D. *Current Directions in Psychological Science*. **2020**. Vol. 29. No. 3. Pp. 273–278. DOI: 10.1177/0963721420917703.
10. Jasko K., Webber D., Kruglanski A. W., Gelfand M. *Journal of personality and social psychology*. **2020**. Vol. 118. No. 6. Pp. 1165–1187. DOI: 10.1037/pspi0000198.
11. Kavanagh C. M., Kapitány R., Putra I. E., Whitehouse H. *Frontiers in Psychology*. **2020**. Vol. 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01172.
12. Postulszna E. *Sustainability (Switzerland)*. **2020**. Vol. 12. No. 16. DOI: 10.3390/su12166536.
13. Skoczylis J., Andrews S. *Critical Social Policy*. **2020**. Vol. 40. No. 3. Pp. 350–369. DOI: 10.1177/0261018319840145.
14. Ozer S. *International Journal of Intercultural Relations*. **2020**. Vol. 76. Pp. 26–36. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.02.007.
15. Kyaw N. N. *Asian Journal of Law and Society*. **2021**. Vol. 8. No. 1. Pp. 108–131. DOI: 10.1017/als.2020.50.
16. Onapajo H., Ozden K. *Security Journal*. **2020**. Vol. 33. No. 3. Pp. 476–492. DOI: 10.1057/s41284-020-00238-2.
17. Omenma J. T., Onyango M. *India Quarterly*. **2020**. Vol. 76. No. 1. Pp. 103–119. DOI: 10.1177/0974928419901197.
18. Rieger D., Frischlich L., Bente G. *Media, War and Conflict*. **2020**. Vol. 13. No. 3. Pp. 280–299. DOI: 10.1177/1750635219829165.
19. Chaney P., Sahoo S. *Journal of Civil Society*. **2020**. Vol. 16. No. 3. Pp. 191–215. DOI: 10.1080/17448689.2020.1787629.
20. Glušac L. *Journal of Regional Security*. **2020**. Vol. 15. No. 1. Pp. 39–74. DOI: 10.5937/jrs15-24025.
21. Harris-Hogan S. *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. **2020**. Vol. 15. No. 2. Pp. 97–116. DOI: 10.1080/18335330.2020.1769852.
22. Lemon E., Antonov O. *Democratization*. **2020**. Vol. 27. No. 7. Pp. 1221–1239. DOI: 10.1080/13510347.2020.1778671.
23. Riedel R. *Ecclesiastical Law Journal*. **2021**. Vol. 23. No. 3. Pp. 280–293. DOI: 10.1017/S0956618X21000363.
24. Aziz S. F., Beydoun K. A. *Boston University Law Review*. **2020**. Vol. 100. No. 3. Pp. 1151–1191.
25. Fomenko A., Marchenko E., Sydorov O., Zhuravlov D. *Economic Annals-XXI*. **2020**. Vol. 181. No. 1–2. Pp. 28–43. DOI: 10.21003/ea.V181-03.
26. Hoffman A. J. *Journal of Prevention and Intervention in the Community*. **2020**. Vol. 48. No. 3. Pp. 207–209. DOI: 10.1080/10852352.2019.1625606.
27. Ozer S., Bertelsen P. *Scandinavian Journal of Psychology*. **2020**. Vol. 61. No. 5. Pp. 642–651. DOI: 10.1111/sjop.12636.
28. Skiple A. *Young*. **2020**. Vol. 28. No. 4. Pp. 422–438. DOI: 10.1177/1103308820914828.
29. Sjøen M. M., Mattsson C. *Critical Studies on Terrorism*. **2020**. Vol. 13. No. 2. Pp. 218–236. DOI: 10.1080/17539153.2019.1693326.
30. Weert A. v. d., Eijkman Q. A. *Crime, Law and Social Change*. **2020**. Vol. 73. No. 5. Pp. 491–507. DOI: 10.1007/s10611-019-09877-y.
31. Karpova A. Yu., Savel'ev A. O., Vil'nin A. D., Chaikovskii D. V. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. **2020**. No. 3. Pp. 159–181. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1585.
32. Il'in V. V. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. **2019**. No. 1. Pp. 136–147. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-136-147.
33. Shaban H. *Philosophy and Social Criticism*. **2020**. Vol. 46. No. 5. Pp. 523–538. DOI: 10.1177/0191453720916905.
34. Nazarov V. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: filosofiya, politika, ekonomika, pravo*. **2015**. No. 3. Pp. 7–16.
35. Annenkov A. *Izvestiya TGU*. **2017**. No. 3-2. Pp. 52–60.
36. Lombroso Ch. *Genial'nost' i pomeshatel'stvo: bezumstvo geniev [Genius and madness]*. Moscow: AST, **2019**.
37. Lombroso Ch. *Chelovek prestupnyi [Criminal man]*. Moscow: Algoritm, **2018**.
38. Baudrillard J. *Matritsa Apokalipsisa. Poslednii zakat Evropy [Matrix of the Apocalypse. The last sunset of Europe]*. Moscow: Rodina, **2019**.
39. Sysoev A. *Lichnost' ekstremista [The personality of an extremist]*. Moscow: PER SE, **2008**.
40. Glava OON ochertil chetyre napravleniya bor'by s ekstremizmom i terrorizmom. URL: <http://www.unic.ru/event/2015-02-19/v-mire/glava-oon-ochertil-chetyre-napravleniya-borby-s-ekstremizmom-i-terrorizmom>.
41. Korotich S. Moment istiny dlya ARF. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/32176/>.
42. Budaeva S., Degtyareva N. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. **2014**. No. 4.

43. Vlasov A. ShOS i strategii bezopasnosti v Tsentral'no-Aziat-skom regione: problemy i perspektivy. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/shos-i-strategii-bezopasnosti-v-tsentralno-aziatskom-regione-problemy-i-perspektivy>.
44. Kol'tyukov A. *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: k novym rubezham razvitiya*. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN, **2008**.
45. Natsional'nyi antiterroristicheskii komitet. Tseli i zadachi. URL: <http://nac.gov.ru/nak/cei-i-zadachi.html>.
46. Pokazateli prestupnosti Rossii. Dinamika. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart.
47. Lemon E., Antonov O. *Democratization*. **2020**. Vol. 27. No. 7. Pp. 1221–1239.

Received 26.09.2021.

Revised 11.10.2021.